

三島由紀夫

Легкий туман над морем придавал что-то таинственное силуэтам далеких кораблей. Сегодня горизонт был более ясным, чем вчера: можно было различить линию гор, высящихся на полуострове Идзу. Гладкая поверхность моря. Сверкающее солнце, редкие облака, синее небо.

Едва заметные волны разбивались о берег. В зелено-коричневом цвете набегавшей на берег волны, как и в морских водорослях, было что-то неприятное.

Монотонное перемешивание массы воды, породившее индийский миф о пахтанье океана молока. Мир, пожалуй, не стоит оставлять в покое. В идиллии есть нечто пробуждающее порок.

Сейчас, в мае, по глади моря безостановочно, даже назойливо, сновали блики света, и все море казалось покрытым крошечными бугорками.

В небе кружили три птицы: вот они сблизились и тотчас же разлетелись. В их поведении была какая-то загадка. Что означал этот синий промежуток, когда одна птица приближалась так, что, наверное, чувствовала дуновение ветра от взмахов крыльев другой, а та, другая, тут же отдалялась. Когда у человека порой возникают три похожие мысли, они тоже движутся подобным образом?

Удалявшееся в море черное грузовое суденышко, имевшее на трубе знак в виде волны, благодаря громоздившимся на палубе надстройкам, казалось сзади величественным и высоким.

В два часа пополудни солнце окуталось легкими облаками. Теперь оно напоминало сверкающий белый кокон.

Закруглявшаяся линия горизонта смотрелась иссиня-черным железным обручем, плотно насаженным на морской пейзаж.

В какой-то точке открытого моря на секунду взметнулось и тут же пропало белое крыло волны. Может быть, в это был заложен какой-то смысл? Возвышенный каприз или очень важный знак. А возможно, ни то ни другое.

Подступал прилив, волны стали выше, суша подверглась их искусному натиску. Облака закрыли солнце, и море приобрело цвет темной зелени. По его поверхности с востока на запад протянулась белая полоса. Она имела форму гигантского полураскрытого веера. В верхней части веера поверхность воды выглядела неровной, а в той части, что составляла стержень этого огромного опахала, была черной, как каркас настоящего веера, и эта чернота смешивалась с глубокой зеленью морской глади.

Вновь засияло солнце. Море безропотно приютило яркий свет и по воле юго-западного ветра погнало на северо-восток бесчисленные, напоминавшие спины морских львов волны. Но своим перемещением эта неиссякаемая масса воды не способна поглотить сушу, ее прилив строго контролируется силой далекой луны.

Слоистые облака затянули половину неба. Они разрывали на белые полосы сияние солнца.

Появились две рыбацьи лодки, в открытом море двигалось грузовое судно. Ветер был довольно сильным. О своем приближении шумом двигателя заявило еще одно суденышко с рыбаками, подхлотившее с запада. Маленькое и жалкое, в движении оно выглядело чуть ли не благородно: будто ползло на коленях, волоча полы парадной одежды, скрывавшей его колеса-ноги.

Три часа пополудни. Слоистых облаков стало меньше, похожее на хвост горлицы белое облако, расплывавшееся в южной части неба, бросало на море густую тень.

Море... явление без собственного имени, его можно назвать только морем, будь оно Средиземным, Японским или бывшим сейчас перед глазами заливом Суруга — все это безымянная, полная, абсолютная анархия, нечто обобщенное с великим трудом и не признающее имен.

Тучи затягивают солнце, и море неожиданно меняет настроение: становится задумчивым, наполняется мелкими зеленовато-коричневыми формами с торчащими в разные стороны углами. Его покрывают колючие волны, словно стебель розы усеянные шипами. В этих шипах нет пугающей остроты, колючее море кажется гладким.

Три часа десять минут. Теперь кораблей нигде нет.

Странное дело. Огромное пространство становится заброшенным.

В нем даже крылья чайки кажутся черными.

И тут в открытом море возникает призрачный корабль. Вскоре он пропадает на западе.

Полуостров Идзу исчез за легким туманом. Совсем недолго он был видением Идзу. А потом исчез.

Исчез без следа. Пусть он отмечен на карте, но тут его больше нет. И полуостров, и корабль — их существование в равной степени «бессмыслица».

Появляется, а потом исчезает. Чем, собственно, полуостров отличается от корабля?

Видимое существует, и море, пока его не окутал плотный туман, всегда перед тобой. Оно постоянно копит силы для существования.

Один-единственный корабль меняет весь пейзаж.

Появление корабля! Оно перестраивает все. Система бытия дает трещину, она втягивает корабль в глубины моря. В этот момент происходит замена. Мир, существовавший за миг до появления корабля, отброшен. Корабль и явился ради того, чтобы мир, который держится на его отсутствии, прекратил свое существование.

Море бесконечно, ежесекундно меняет оттенки. Плывут облака. И появляется корабль... Что каждый раз происходит? В чем состоит рождение нового?

Мгновение за мгновением... и в каждое, возможно, случается то, что превосходит бедствия, приносимые извержением Кракатау, а человек этого не замечает. Мы привыкли к причудам бытия. Существование мира не стоит воспринимать всерьез.

Возникновение формы есть знак непрерывной реконструкции, реорганизации. Это сигнал колокола, который доносится издалека. Появление

ние корабля означает, что колокол возвестил о его существовании. Раздался звон и наполнил все вокруг. Над морем что-то непрерывно вершится. Все время, не смолкая, звонит колокол бытия.

Существование.

Это может быть не корабль, а, допустим, плод лимона, который еще неизвестно когда появится. Достаточно, чтобы пробил колокол его бытия.

Половина четвертого. В заливе Суруга бытие было представлено большим ярко-желтым плодом китайского лимона.

Он то прятался в волнах, то появлялся вновь, то всплывал, то погружался в воду, — казалось, моргает глаз; ярко-желтый цвет все дальше удалялся по линии прибоя к востоку.

Три часа тридцать пять минут пополудни. С запада, со стороны Нагои, появляется черный, унылый силуэт корабля. Солнце, уже укутанное тучами, напоминает копченую кету.

Тору Ясунага отодвинулся от биноккулярной трубы с тридцатикратным увеличением. Никакого намека на грузовое судно «Тэнромару», которое должно прибыть в четыре часа. Тору вернулся к столу, еще раз просмотрел сведения о торговых судах порта Симидзу, данные на сегодняшний день:

45-й год Сёва¹ 2 мая (суббота)

прибытие регулярных судов	
заграничной линии	«Тэнромару»
национальная принадлежность	Япония

¹ 1970 год.

время прибытия

2 мая 16 часов

судовладелец

морские перевозки

«Тайсё»

агентство

Судзуи

порт отправки

Иокогама

якорная стоянка пристани

4,5

...Сигэкуни Хонде исполнилось семьдесят шесть лет. Его жена Риэ уже умерла, и, став вдовцом, он теперь часто отправлялся путешествовать. Выбирал места, до которых удобно было добраться, и получал удовольствие от этих не слишком утомительных поездок.

Как-то Хонда случайно оказался в Нихондайре на границе городов Сидзуока и Симидзу: погулял в сосновом бору на песчаной отмели Михо, увидел одно из местных сокровищ — часть платья из перьев, принадлежащего небожителем, которые пришли, по-видимому, из западных земель, а когда возвращался в Сидзуоку, захотел один постоять у моря. По линии Синкансэн каждый час отправлялись по три поезда, так что ничего страшного, если он и пропустит один. От Сидзуоки до Токио было всего полтора часа езды.

Хонда попросил остановить машину, прошел метров пятьдесят по песчаной дороге до морского берега Комагэ и стал смотреть на море; он думал о далекой старине: наверное, на этот берег и сошли небесные жители — ангелы. С грустью вспомнился морской берег в Камакуре, то были дни его юности, и, утолив душу, он отправился назад. На берегу было затишье — играющие дети да несколько рыбаков.

Когда Хонда только еще шел к морю, то, охваченный возбуждением, он этого как-то не заметил, но на обратном пути в глаза сразу бросился по-деревенски розовый цвет вьюнка, растущего под дамбой. На ее песчаную поверхность морской ветер нагнал всякий мусор. Бутылки из-под кока-колы, консервные банки, пустые банки из-под краски, неистребимые полиэтиленовые пакеты, коробки от стирального порошка, множество черепков, обертки от завтраков...

Земная жизнь выпала здесь в осадок и оказалась лицом к лицу с вечным. С тем вечным, с чем до сих пор не встречалась, — с морем. словно тот человек, который в самом неприглядном, самом безобразном виде вдруг оказывается лицом к лицу со смертью.

На молодых побегах у редких сосен, росших на дамбе, раскрылись красные, напоминающие морские звезды соцветия, слева от дороги лежало поле редьки, где тянулись ряды грустных белых цветочков с четырьмя лепестками, с обеих сторон вдоль дороги росли небольшие сосны. Недалеко в длинных парниках под полиэтиленовой крышей в тени листьев поникли ягоды созревшей на каменных грядках клубники, по зубчикам листьев ползали мухи. Среди этих неприятно мутных коробок Хонда заметил похожее на башенку строение, на которое прежде не обратил внимания.

У самой дороги, где он оставил машину, возник деревянный двухэтажный домик с белыми стенами, стоявший на странно высоком бетонном основании. Для караульной будки он был слишком высок, для конторы — слишком невзрачен. На первом и втором этажах на три стороны выходили окна.

Хонда, охваченный любопытством, ступил на песчаную площадку, по-видимому двор, где в беспорядке валялись осколки стекла, преданно отражавшие облака, и белые оконные рамы. Взглянув вверх, он увидел в окне второго этажа круглый объектив, — скорее всего, это была зрительная труба. Из бетонного основания выходили две огромные ржавые трубы, уходившие потом в землю. Преследуемый неясными мыслями, Хонда перешагнул через эти трубы, обогнул строение и поднялся по рухнувшейся каменной лестнице на первый этаж.

С площадки, где он оказался, дальше в дом вела железная лестница, под ней была прикреплена доска с надписью по-английски:

СИГНАЛЬНАЯ СТАНЦИЯ «ТЭЙКОКУ»

Акционерное общество
Компания «Тэйкоку»,
служба подачи сигналов,
отделение порта в Симидзу

Виды деятельности:

1. Информация о судах, входящих и покидающих порт.
2. Обнаружение и предотвращение бедствий на море.
3. Сигнальная связь «море — суша».
4. Информация о метеоусловиях на море.
5. Встреча и проводы заходящих в порт судов.
6. Прочая деятельность.

Хонде понравилось написанное старым иероглифическим шрифтом название, снабженное английским вариантом, и то, что знаки, с которых начала облезать белая краска, кое-где стали бледнее.

Перечисленные виды деятельности были наполнены запахом моря.

Хонда воззрился на вершину железной лестницы, но в доме царила тишина.

Он оглянулся назад — за шоссе, лежавшим у него под ногами, там и тут сверкали колесики из стрелок, они венчали шесты с развевавшимися фигурами карпов; на северо-востоке от квартала домов, крытых современной синей черепицей, в порту Симидзу все перемешалось: краны, работавшие на берегу, и стрелы судов, белые фабричные склады и черные корпуса кораблей, железные, подставленные соленому ветру и покрытые толстым слоем краски трубы — одни оставались на берегу, другие пришли по морю, и теперь они сошлись в одном месте — порт издали был виден как на ладони. Море в той стороне походило на сверкающую, разорванную на куски змею.

Над горами, лежавшими за портом, выглядывала из-за туч вершина Фудзи. Среди зыбких облаков четко очерченная вершина казалась острой белой глыбой, выступавшей из мягкой пены.

Хонда, удовлетворившись увиденным, отправился к машине.

Фундаментом сигнальной станции служил резервуар для воды.

Сюда насосом закачивали воду из колодца, и она по железным трубам текла орошать грядки в парниках. Компания «Тэйкоку» обратила внимание на высокое бетонное сооружение и поставила на нем деревянную надстройку для сигнальной станции — отсюда раньше, чем из других мест на берегу, можно было заметить появление корабля, шел ли он с запада, из Нагои, или из лежавшей прямо напротив Иокогамы.

Четыре сигнальщика работали посменно по восемь часов, но один из них уже долго болел, поэтому оставшиеся трое стали сменяться через сутки. На первом этаже был кабинет начальника отделения, время от времени начальник приходил с проверкой из конторы в порту, местом работы несущего смену сигнальщика служило небольшое помещение с деревянным полом на втором этаже, где с трех сторон были окна.

Вдоль окон шли встроенные столы, на них были установлены биноккулярные зрительные трубы: в южном направлении смотрела труба с тридцатикратным увеличением, в сторону находившегося

на востоке порта — с пятнадцатикратным; на столбе в юго-восточной части комнаты был прожектор мощностью один киловатт для передачи сигналов в ночное время суток. Два телефонных аппарата на рабочем столе в юго-западном углу, книжный шкаф, карта, сигнальные флажки, разложенные на высокой полке, кухонька в северо-западном углу и место, где можно вздремнуть, — вот все, что здесь было. За окном, выходящим на восток, стояла металлическая опора высоковольтной линии, белые фарфоровые изоляторы были неотличимы от облаков. Провода спускались в сторону моря, цеплялись за очередную опору, потом, делая крюк на северо-восток, доходили до третьего столба и шли дальше вдоль морского берега к порту Симидзу, опираясь на серебристые башни, которые, удаляясь, постепенно понижались и уменьшались в размерах. Третья металлическая опора, которую было видно из этого окна, служила хорошим ориентиром. Когда подходивший корабль оказывался с ней на одной линии, становилось ясно, что он вошел в акваторию ЗГ с причалами.

За кораблями и теперь приходилось следить глазами человека. Пока состояние кораблей напрямую зависело от тяжести груза и капризов моря, в них по-прежнему оставалось что-то романтическое, свойственное девятнадцатому веку, что-то от гостя, который приходит на званый ужин то слишком рано, то слишком поздно. Нужен был караульный, который сообщал бы таможене, карантинной службе, лоцману, службе погрузки и разгрузки, поставщикам продуктов и уборщикам точ-

ное время, когда им следует приниматься за дело. На тот случай, если два корабля будут подходить одновременно, а свободным останется только один причал, необходим человек, который бы следил за их приближением и беспристрастно определял порядок швартовки.

Для всего этого и существовала служба, где трудился Тору.

В открытом море показалось довольно крупное судно. Линия горизонта была уже нечеткой, и, чтобы быстро обнаружить появление корабля, нужен был натренированный, быстрый глаз. Тору сразу проринул к зрительной трубе.

В середине зимы или лета при ясной погоде можно было уловить тот миг, когда судно, грубо наступив носом на высокий порог линии горизонта, показывалось всем корпусом, но в легкой дымке начала лета появление корабля было всего лишь «намеком на его существование». Вытянутая белая линия горизонта напоминала сбившуюся подушку.

По размерам черное грузовое судно соответствовало «Тэнромару», водоизмещением четыре тысячи восемьдесят тонн. По форме находившейся на корме надстройки оно тоже подходило под описание судна, внесенного в список. Отчетливо были видны белый капитанский мостик и бегущие за кормой пенящиеся волны. Три желтые мачты. А что это за круглый красный знак на черной трубе?.. Тору напряг зрение. Точно, в красном круге начальный иероглиф названия компании морских перевозок «Тайсё». Все это время судно, не снижая

скорости двенадцать с половиной узлов, упорно стремилось вырваться из поля зрения. Словно черная бабочка, которая вылетает из ободка сачка.

Название судна было, однако, не прочитано. Ясно было только, что в нем три иероглифа и первый вроде бы «тэн».

Тору вернулся к столу и позвонил в пароходное агентство:

— Алло, это из сигнальной службы «Тэйкоку». Мимо нас следует «Тэнромару», скажите, пожалуйста, насколько корабль загружен? — (Он представил себе высоту ватерлинии, которая снаружи делит борт на черную и красную части.) — Значит, наполовину? С которого часа разгрузка? С семнадцати часов?

До разгрузки оставался всего один час, поэтому количество телефонных звонков возросло.

Тору, постоянно перемещаясь от стола к зрительной трубе и обратно, сделал целых пятнадцать звонков.

В лоцманскую контору. На буксир «Сюнъёмару». Домой лоцману. В несколько столовых. Уборщикам. В портовую службу транзита. В таможенную. Снова в агентство. В отдел управления портом.

— Прибывает «Тэнромару». Причалы четыре и пять? Спасибо.

«Тэнромару» уже оказался рядом с третьей опорой линии электропередачи. В поле зрения зрительной трубы теперь попадал берег, а дрожащий от жары воздух делал изображение нечетким.

— Алло, «Тэнромару» войдет в акваторию Три-джи.

— Алло, говорит сигнальная служба «Тэйкоку». «Тэнромару» входит в акваторию Три-джи.

— Алло, таможня? Пожалуйста, отдел надзора... «Тэнромару» вошел в акваторию Три-джи.

— Алло, шестнадцать часов пятнадцать минут, «Тэнромару» следует по акватории Три-джи.

— Алло, «Тэнромару» прибыл пять минут назад.

Вообще, судов типа только что прибывшего в порт, таких, о следовании которых в Симидзу из Иокогамы или Нагои поступали сообщения, по многу приходило в конце месяца, а в начале месяца их почти не было. От Иокогамы до Симидзу было сто пятнадцать морских миль, и судно, имевшее скорость двенадцать узлов, проходило этот путь за девять с половиной часов. Из этого расчета наблюдение можно было начинать за час до предполагаемого прибытия корабля, а в остальное время особой работы не было.

Сегодня, кроме прибывающего в девять часов вечера из Цзилуна на Тайване судна «Ниттёмару», других судов не ожидалось.

После того как корабль входил в порт и работа Тору была закончена, он всегда чувствовал себя опустошенным. Тогда стоило закурить и поразмышлять.

Вообще-то, курить ему было нельзя. Сначала начальник с неприязнью делал Тору замечания: как это, несовершеннолетний, подросток шестнадцати лет — и курит, но потом перестал что-либо говорить. Он понял, что ему придется смотреть на это сквозь пальцы, — таков характер работы.